

КЪ ИСТОРИИ ТЮРЕМЪ И ССЫЛКИ ВЪ РОССИИ

1805—1820 гг.

III ¹⁾.

Записка М. Л. Магницкаго объ оковахъ и кандалахъ.

Колоды, кандалы, оковы, стулья съ цѣпами и рогатки не только во всѣхъ градскихъ и земскихъ полиціяхъ, но въ каждомъ волостномъ и сельскомъ правленіи находятся. Въ нихъ нѣтъ никакой соразмѣрности; я самъ видѣлъ въ Симбирской губерніи колоды изъ цѣльнаго дерева въ аршинъ длиною надѣтыми на ноги несчастныхъ, и запретилъ ихъ формальнымъ образомъ правленію.

Стулья съ тяжелыми цѣпами также дѣлаются весьма большіе и по большей части изъ дуба.

Въ городскихъ полиціяхъ есть обыкновеніе всѣхъ содержащихся заключать на ночь въ бревно, вырубленное на подобіе колоды, для большей безопасности отъ побѣга. Я нашелъ сіе обыкновеніе въ Симбирскѣ.

Цѣпи бываютъ трехъ родовъ:

1) Надѣваемые на руки и на ноги отдѣльно; 2) на ноги, на руки и на шею вмѣстѣ, и 3) на ноги и на шею съ прикрѣпленіемъ къ стѣнѣ.

Онѣ всѣ вообще весьма тяжелы, часто узки и выдѣланы весьма грубо, такъ что сглаживаются отъ одного употребленія.

Рогатки непомѣрной величины и тягости, по большей части, употребляются въ волостныхъ селеніяхъ при полиціяхъ и смирительныхъ домахъ. Во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, у живущихъ помѣщиковъ на дворахъ, а у ихъ управителей при конторахъ, есть равнымъ образомъ всѣ сіи орудія.

Я буду говорить объ нихъ въ отношеніи къ одному употребленію ихъ для колодниковъ.

На пойманнаго полиціею, земскою или градскою, преступника, еще не судившагося и, можетъ быть, невиннаго, въ уѣздѣ, не только по приказанію исправника или земскаго засѣдателя изъ дворянъ, либо изъ крестьянъ, но по повелѣнію секретаря и каждаго дежурнаго писца сего суда, а въ полиціи градской по повелѣнію дежурнаго квартальнаго, можетъ быть, и по большей части для содержанія до отсылки въ тюрьму, тотчасъ надѣваются или цѣпи или стулья съ цѣпами.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 357—360; 541—551.

По отсылкѣ въ тюрьму уѣздную—приведенный въ цѣпяхъ заключается въ цѣпи. По переводѣ изъ уѣздной въ тюрьму губернскую—равнымъ образомъ.

Отъ природной жестокости и болѣе или менѣе трезвости полицейскихъ чиновниковъ зависитъ словесное опредѣленіе сего истязанія. При пересылкѣ преступниковъ изъ мѣста въ мѣсто къ суду или, по наказаніи, въ Сибирь, земскія и градскія полиціи, по снисхожденію ихъ къ недостатку или къ лѣни уѣздной внутренней стражи, заковываютъ всѣхъ посылаемыхъ, какъ называется употребительнымъ у нихъ выраженіемъ: на-крѣпко, дабы преступники съ недостаточною стражею бѣжать не могли.

Въ тюрьмахъ губернскихъ, ежели самъ губернаторъ не пощипаетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю, что по большей части и бываетъ, то преступники заковываются и приковываются къ стѣнѣ жесточайшимъ образомъ, за малѣйшую грубость полиціимейстерамъ и командирамъ внутренняго баталіона по произволу.

Въ смиренныхъ домахъ вообще употребляются рогатки весьма тяжелыя и такъ сдѣланныя, чтобы никакъ не можно было лечь. Распредѣленіе ихъ зависитъ отъ порутчика, опредѣляемаго обыкновенно изъ раненыхъ офицеровъ.

Къ отвращенію сихъ истязаній, тѣмъ ужаснѣйшихъ, что, будучи только терпимы, несутъ они на себѣ видъ нѣкоторой законности, представляются, по моему мнѣнію, слѣдующія средства:

1) Употребленіе всѣхъ вышеозначенныхъ орудій истязаній и даже имѣніе ихъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, строжайшимъ образомъ воспретить повсемѣстно, истребивъ ихъ чрезъ полицію, кромѣ уѣзднаго суда и уголовной палаты, которымъ дозволить заключать въ однѣ только цѣпи преступниковъ осуждаемыхъ, помѣщая приговоръ ихъ заключенія въ протоколъ.

2) Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, при поимкѣ извѣстныхъ уже разбойниковъ или дѣлателей фальшивыхъ монетъ, предоставить полиціимейстерамъ и городничимъ требовать оковы въ губернскихъ городахъ чрезъ прокурора, а въ уѣздныхъ—чрезъ стряпчаго.

3) Женщинъ и мужчинъ несовершеннолѣтнихъ ни въ какомъ случаѣ не заключать въ оковы.

4) При волостныхъ правленіяхъ, земскихъ судахъ и градскихъ полиціяхъ имѣть надежныя мѣста для содержанія преступниковъ до отсылки или пересылки куда слѣдуетъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы стряпчие и прокуроры наблюдали, подъ личною отвѣтственностію, дабы въ сихъ мѣстахъ временнаго содержанія арестанты не оставались долѣе однихъ сутокъ.

5) Положеннымъ для осужденныхъ преступниковъ цѣпямъ опредѣлить вѣсъ, форму и степень выдѣлки. Я бы полагалъ даже выслать образцы къ губернаторамъ или, по крайней мѣрѣ, поручить сей важный, по человѣколюбю, предметъ ихъ личному надзору.

Войдя по порученію, мнѣ сдѣланному, въ сію матерію, столько мнѣ извѣстно по семилѣтнему пребыванію въ губерніяхъ, столь близкую къ сердцу его императорскаго величества и столь важную по вліянію на тысячи несчастныхъ, въ разныхъ областяхъ обширнѣйшей имперіи, не могу коснуться до жестокости болѣе ужаснѣйшей, которая отъ того только у насъ существуетъ, что никто еще не довелъ ее до свѣдѣнія правительства.

Я выступлю на сей разъ изъ предѣловъ даннаго мнѣ порученія, но—не изъ тюремъ.

Уголовные законы наши не полагаютъ опредѣлительности при-суждаемымъ ударамъ кнутомъ; въ важнѣйшихъ случаяхъ говорятъ они: бить нещадно. Нѣтъ двухъ губерній, въ которыхъ бы выраженіе сіе толковалось единообразно. Отъ 25-ти ударовъ, человѣколюбивымъ предсѣдателемъ уголовной палаты присуждаемыхъ, до 900, которымъ, знаю примѣры, оставлено кровавое поле жестокости, пристрастію и подкупу.

Въ тверской уголовной палатѣ, на примѣръ, есть высочайшее повелѣніе—не смѣшивать маловажныхъ кражъ изъ церковныхъ денегъ съ святотатствомъ и наказывать ихъ (преступниковъ) плетьюми, но въ губерніяхъ сосѣдственныхъ сіе неизвѣстно и за каждую копѣйку изъ суммъ церковныхъ наказываютъ кнутомъ жесточайшимъ образомъ.

Мнѣ извѣстно, что сіе происходитъ отъ того, что у насъ нѣтъ еще систематическаго уголовного уложенія, и то оно отдѣльно издано быть не можетъ, но казалось бы возможнымъ опредѣлить по родамъ преступленій мѣру существующаго наказанія, не оставляя оной на совѣсть уголовныхъ судей. М. Л. Магницкій.

П Р И М Ъ Ч А Н І Е.

Записка М. Л. Магницкаго объ оковахъ и кандалахъ и послѣдствія ея составляютъ неоспоримую заслугу попечительнаго о тюрьмахъ общества, которое на первыхъ же порахъ проявило удивительно энергичную дѣятельность въ дѣлѣ улучшенія участи заключенныхъ въ Россіи.

Записка Магницкаго вызвала пространное возраженіе со стороны тогдашняго министра юстиціи, князя Лобанова-Ростовскаго, который замѣтилъ между прочимъ, что хотя въ воинскомъ уставѣ и другихъ узаконеніяхъ и сказано, чтобы преступниковъ заковывать въ цѣпи, но какого рода должны быть кандалы и цѣпи—не оговорено. Затѣмъ, авторъ возраженія упрекаетъ М. Л. Магницкаго въ томъ, что онъ, утверждая всеобщее употребленіе описанныхъ имъ

рогатовъ и стульевъ съ цѣпями, говорятъ только на основаніи частныхъ случаевъ, видѣнныхъ имъ въ одной Симбирской губерніи. Уничтоженіе и истребленіе «сихъ орудій» князь Лобановъ-Ростовскій находитъ невозможнымъ, но съ положеніями, изложенными въ п. 3-мъ и 4-мъ записки М. Л. Магницкаго, авторъ возраженія соглашается. Что же касается указанія Магницкаго на неопредѣленность нашихъ уголовныхъ законовъ, то министръ юстиціи ссылается на цѣлый рядъ законовъ (1802, 1808, 1812 и др.), воспретившихъ употребить въ судебныхъ рѣшеніяхъ выраженіе «нещадно» и предписавшихъ опредѣлить въ нихъ количество присуждаемыхъ ударовъ. Но тутъ со стороны автора возраженія было очевидное непониманіе сущности замѣчанія Магницкаго, который говорилъ о неопредѣленности въ уголовныхъ законахъ, а не въ судебныхъ рѣшеніяхъ.

Въ равной степени неосновательно возраженіе князя Лобанова-Ростовскаго, что описанныя Магницкимъ «орудія» не имѣли повсемѣстнаго употребленія; за справедливость описаній Магницкаго говорятъ, какъ лично свидѣтельство императора, о чемъ будетъ сказано ниже, такъ и «донесенія» иностранцевъ, осматривавшихъ наши тюрьмы. Такъ, Вальтеръ Веннингъ замѣчаетъ относительно смиреннаго дома въ С.-Петербургѣ, что «нашелъ злоупотребленіе въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, видѣлъ колодниковъ, привязанныхъ за шею, и бѣдныхъ женщинъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, на которыхъ по три острыхъ спица длиною 8 дюймовъ и такъ вдѣланы, что они не могутъ ложиться ни днемъ, ни ночью, хотя бы нѣсколько дней сряду въ нихъ содержались». «Я основательныя причины имѣю думать,—продолжаетъ почтенный филантропъ,—что нѣкоторые изъ нихъ такимъ образомъ мучаются единственно изъ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдаетъ въ сіе мѣсто». (Дѣло архива, 1819 года, № 975). Въ одномъ сѣзжемъ домѣ Вальтеръ Веннингъ нашелъ «пять стульевъ съ цѣпями; тяжелые эти стулья колодники принуждены таскать на себѣ, ходя въ нужныя мѣста, которыя находятся на дальнемъ разстояніи». Изъ четырехъ мальчиковъ, содержащихся въ общемъ заключеніи, «трое въ деревянныхъ колодахъ, чтобы не могли бѣжать, потому что мѣсто не надежно». Квакеры Алленъ и Грелъе замѣчаютъ, въ 1819 году, что «худое состояніе и слабость тюремъ заставляютъ на сѣзжихъ дворахъ употреблять рогати и цѣпи, которыми многіе арестанты приковываются къ большимъ колодамъ». (Дѣло архива, 1820 г., № 1,213).

По поводу указаннаго въ запискѣ Магницкаго смѣшенія простой кражи съ святотатствомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, сдѣлалъ officialный запросъ тверскому губернатору: точно-ли состоялся высочайшій указъ относительно святотатства и если состоялся, то когда именно? Самъ по себѣ фактъ довольно характерный, обрисовывающій состояніе законодательства въ то время. По справкамъ оказалось, что подобнаго высочайшаго указа не было, но въ 1808 году (31-го января, II. с. 3., № 22,802) состоялся указъ, по которому святотатствомъ признано похищеніе всякаго предмета, принадлежащаго церкви.

Къ запискѣ Магницкаго объ оковахъ присоединена была записка другаго члена попечительнаго о тюрьмахъ общества, генералъ-маіора Леонтьева, подъ заглавіемъ: «Объясненіе образа, устройства и ношенія оковъ»; въ этой запискѣ предлагается опредѣлить вѣсъ оковъ, а именно — въ 5½ фунта; кромѣ того, президентъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, князь Голицынъ, получивъ

отъ Вальтера Веннига образцовые ручные кандалы, выписанные изъ Англии, предложилъ ввести подобныя и у насъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, отнесся очень сочувственно къ вопросу объ оковахъ и кандалахъ, возбужденному членами тюремнаго общества. Въ мнѣніи своемъ, поданномъ въ комитетъ министровъ, графъ Кочубей замѣчаетъ: «Колоды, стулья, рогатки и всѣ подобныя орудія, хотя и уменьшаются о сію пору сами собой по мѣрѣ распространенія просвѣщенія, но да истребятся по словамъ закона изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ еще найдутся могутъ». За исключеніемъ городскихъ полицейскихъ и земскихъ судовъ—предполагалось повсемѣстно запрещеніе содержать въ оковахъ. Всѣ оковы опредѣлены были въ 5—5½ фунтовъ; обручи на ногахъ должны быть обшиты кожей и кандалы должны были заказываться департаментомъ полиціи исполнительнои, въ видахъ однообразной формы и вѣса оковъ.

Представленіе графа Кочубея было утверждено въ засѣданіи комитета министровъ 13-го декабря 1821 года, а въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій (28-го января 1822 г.) комитету объявлено было, что «его императорское величество полагаетъ болѣе удобнымъ употребленіе новыхъ кандаловъ вводить тамъ, гдѣ уже устроены надежныя тюремныя зданія по новому предположенію». «При семъ его величество замѣтилъ, что онъ не находитъ справедливымъ увѣреніе (нужно думать—князя Лобанова-Ростовскаго), что рогатки не употребляются, ибо лично самъ видѣлъ на шеѣ у многихъ содержимыхъ въ здѣшнемъ смирительномъ домѣ, равномѣрно и въ прочихъ губерніяхъ, и въ отиѣну давнишняго обычая его величеству неизвѣстно, чтобы было издано какое-либо постановленіе».

Такимъ образомъ, по желанію государя, примѣненіе новыхъ кандаловъ должно было быть весьма ограниченнымъ, такъ какъ число «прочныхъ тюремныхъ зданій по новому предположенію» было очень незначительно. Впрочемъ, можно думать, что на практикѣ забыто было желаніе государя, и новыя кандалы получили широкое примѣненіе; по крайней мѣрѣ, въ архивѣ находится много чрезвычайно объемистыхъ дѣлъ по заготовленію кандаловъ въ Александровскомъ дѣтскомъ заводѣ и разсылкѣ ихъ по губерніямъ.

Изъ позднѣйшихъ законодательныхъ мѣръ видно, что употребленіе описанныхъ Магницкимъ «орудій» далеко не было изъято распоряженіями правительства 1821—1822 годовъ. Такъ, на примѣръ, 26-го марта 1826 г. состоялся указъ Императора Николая I «объ истребленіи стульевъ съ цѣпами въ полицейскихъ мѣстахъ, и о воспрещеніи изобрѣтать впередъ что-либо подобное» (И. С. З., 26-го марта 1826 г., № 198); указъ этотъ вызванъ былъ совершенно частнымъ случаемъ по дѣлу «о поступкѣ частнаго пристава Болотова, въ содержаніи рядоваго Срамченко на сѣзжемъ дворѣ по цѣпи, прикованной къ стулу и надѣтой на шею». При этомъ высочайше повелѣно было, чтобы министръ юстиціи предписалъ настрояйше всѣмъ прокурорамъ: осмотрѣть есть-ли подобныя стулья и прочее съ цѣпами и истребить, съ настрояйшимъ повелѣніемъ: «не изобрѣтать ничего подобнаго».

Но если записка М. Л. Магницкаго объ оковахъ и кандалахъ и не имѣла послѣдствіемъ повсемѣстное и немедленное уничтоженіе рогатокъ, колодокъ и стульевъ съ цѣпами въ мѣстахъ заключенія, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать заслугу ея въ томъ, что ею впервые поднятъ вопросъ объ улучшеніи съ этой стороны положенія заключенныхъ въ Россіи и созданъ извѣстный прецедентъ для законодательныхъ мѣръ и практики въ будущемъ.

Кромѣ непосредственнаго значенія изложеннаго историческаго памятника въ дѣлѣ улучшенія тюремной части въ Россіи — записка Магницкаго и дѣло, ею возбужденное, нѣсколько обрисовываютъ положеніе нашего законодательства въ царствованіе Александра I; въ ней еще разъ выразилась настоятельная потребность въ Россіи въ изданіи общаго кодекса, потребность, которая прекрасно сознавалась въ теченіе дѣлаго столѣтія и тѣмъ не менѣе оставалась безъ удовлетворенія до изданія Свода Законовъ въ царствованіе Николая I.

Кіевъ.

Сообщ. съ примѣч. Д. Г. Тальбергъ.

ЧУМА ВЪ ОДЕССѢ ВЪ 1837 ГОДУ.

Въ «Русской Старинѣ», томъ XXIV, стр. 575—579, помѣщена замѣтка «Чума въ Одессѣ въ 1837 г.». Вотъ еще нѣсколько свѣдѣній о томъ-же предметѣ.

Мы уже видѣли, какія энергическія мѣры были приняты новороссійскимъ генераль-губернаторомъ графомъ Воронцовымъ для борьбы съ чумою въ Одессѣ въ 1837 г. Кромѣ этихъ мѣръ, можно еще упомянуть о слѣдующихъ. Для устраненія возможности опаснаго соприкосновенія между жителями зачумленнаго города были закрыты различныя мѣста общественныхъ собраній, какъ-то: церкви, театры, судебныя мѣста и училища. Въ почтовой конторѣ и полиціи всѣ бумаги принимались не иначе, какъ послѣ окуриванія. Городъ былъ окруженъ двойнымъ кордономъ. Часовые, разставленные весьма близко одинъ отъ другаго, повѣрялись особеннымъ обходомъ; ночью же они должны были перекликаться между собою. Они были обязаны задерживать желавшихъ пробраться черезъ цѣпь, и, въ случаѣ необходимости, могли стрѣлять или утроблять въ дѣло штыкъ.

Чтобы обезпечить продовольствіе жителей города, устроены были особенныя базары, обнесенныя двойною оградою. Эти базары были открыты для торговли только до 2-хъ часовъ. По прекращеніи торговли, площади тщательно выметались. Надзоръ за ними былъ порученъ особеннымъ довѣреннымъ лицамъ. О помощи нуждающимся должна была заботиться продовольственная коммисія, состоявшая изъ городского головы и четырехъ членовъ. Для бѣдныхъ былъ устроенъ сборъ пожертвованій, которыя раздавались имъ въ видѣ денегъ, съѣстныхъ припасовъ, одежды и топлива. Для дряхлыхъ и больныхъ былъ устроенъ особенный «домъ прибрѣжища».

Ежедневно, съ 11 часовъ утра, подъ предсѣдательствомъ графа Воронцова, въ биржевой залѣ происходили совѣщательныя собранія. Рѣшенія полагались по возможности быстро и изустно. Генераль-гу-